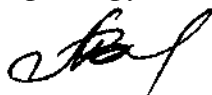

0-735594

На правах рукописи

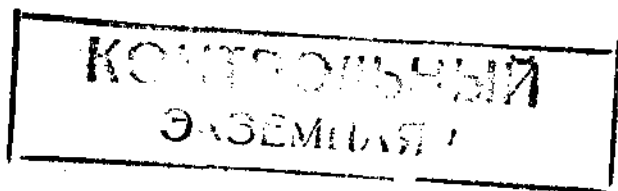
ЗАЙЧЕНКО МАРИНА АДЛЬФОВНА

**ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛА
В ФОНОСЕМАНТИКЕ**

09.00.01 - онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук*

Чебоксары - 2003

Работа выполнена на кафедре философии Казанского государственного педагогического университета

Научный руководитель - доктор философских наук,
профессор **Тайсина Э.А.**

Официальные оппоненты: доктор философских наук
профессор **Евстратов В.Д.**

кандидат философских наук
Соколов Р.Е.

Ведущая организация - Казанский государственный
университет

Защита состоится "28" марта 2003 г. в 14.00
часов на заседании диссертационного Совета Д212.301.04 по
защите диссертации на соискание ученой степени кандидата
философских наук по специальности 09.00.01 в Чувашском
государственном университете.

Адрес: 428015, г. Чебоксары, ул. Университетская, д.38 а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной
библиотеке Чувашского государственного университета

Автореферат разослан "27" февраля 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доцент

Кульков Ю.П.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В последние десятилетия центр тяжести в изучении языкового знака переместился в область исследования звука, что нашло отражение в новой науке - фоносемантике. Изучение проблемы осмысленности звуков языка, как правило, ограничивались исследованием многочисленных жанров художественной литературы (на уровне текста звуки обычно изучались на материале поэтической речи), что заставляло авторов обращать внимание в основном на эстетическую ценность звука. Исследования фонетического облика языковых единиц, которые, как правило, велись в рамках исследования качественных и количественных характеристик звуков, привел к тому, что был сделан вывод: отдельно взятый речевой звук имеет собственное значение. Все это, однако, сводилась лишь к набору статистических данных, полученных на основе выявленных характеристик звуков, большинство из которых было обусловлено **природно-сигнальным**, эмоциональным характером. Осмысленность звука, или его понятийное содержание, вырастает из первичной сигнальной функции речи, но этот переход к понятийному от чувственного сопровождается редукцией первородной эмоциональной окраски звучания и уходом в подсознание непосредственных реакций на существующую жизненную значимость самого звука речи (за исключением междометий). Для языковых единиц первостепенное значение приобретает способ чередования или организации звуков, а не **природно-сигнальный** смысл звуков **пра-языка**.

Актуальность темы нашего исследования вызвана тем, что, тогда как наиболее разработанным аспектом в современной теории понимания является структура предпонимания, то есть те особенности "жизненного мира" в сознании человека, которые формируют его восприятие реальности, смысловая функция фонетической стороны языка остается наименее изученной.

Исследования языка в основном проводятся в позитивистском ключе, а те исследования, которые ведутся в русле герменевтики, не опираются на фактический фонетический материал. На наш взгляд, современные идеи фоносемантики восполняют этот пробел, что позволяет применять методы классической гно-

сеологии в теории понимания, тем самым, сообщая ей дополнительную научную строгость. Нет однозначного ответа, каким образом фонетический уровень языка связан с пониманием смысла. Наша работа направлена на изучение фонетических процессов, участвующих в формировании смысла в языке.

От философской проблемы восприятия ставится в зависимость ряд чисто **фоносемантических** проблем - соотношение атомарных звуков в звуковом континууме, определение накладываемых друг на друга звуковых свойств, их проекция на реальность и взаимоотношение с миром. Это значит, что в вопрос о сущности восприятия включается тема его динамики и трансформации, в частности, в звуковое представление и проблематика **звукосмысловой** стороны речи.

Степень разработанности проблемы. Настоящая работа представляет собой исследование, проделанное на стыке таких философских наук как гносеология и онтология, а также таких дисциплин как семиология, лингвистика, отчасти психология и традиционная логика, посвященное философскому анализу традиционной проблемы смысла в новой дисциплине - фоносемантике.

В настоящее время подобные **исследования** достаточно широко распространены. Можно назвать семиологов и лингвистов, в особенности, представителей аналитической философии, а также некоторых известных ученых, работающих в современной культурологии в постмодернистском ключе, труды которых получили, несомненно, философское звучание и составили вклад в западноевропейскую философию конца XIX — начала XXI века. Это, например, признанный отец семиотики Ф. де Соссюр и наиболее выдающийся американский философ Ч.Пирс, в Великобритании - Л.Витгенштейн, на континенте М.Фуко, Ж.Делез, Ж.Деррида, среди отечественных мыслителей это: А.Ф.Лосев, А.А.Потебня, Ф.Ф.Фортунатов, А.А.Леонтьев, Ю.С.Степанов, А.В.Соколов, Л.А.Микешина.

Недавно переведено на русский язык фундаментальное исследование "Введение в семантику" итальянского ученого Туллио де Мауро. Это также один из классиков семиотики XX века, чьи идеи наряду с теорией У.Эко достигли статуса философских и пополнили наши научные знания в области семантики, общения, полу-

чении и организации информации, механизмах сознания и познания в целом. Но мы до сих пор не имеем целостной философской картины языка, в которой были бы проработаны ее базовые элементы.

При всем несходстве и даже противоположности позитивистского (и постпозитивистского), с одной стороны, и феноменолого-экзистенциалистского направлений западноевропейской философской мысли XX - начала XXI в.в., с другой, необходимо подчеркнуть, что центральным объектом философствования самых крупных ученых современности является естественный разговорный человеческий язык и его дериваты. Поэтому любые обращения к исследованию языковых проблем в современной философии вполне оправданны, во-первых, общим интересом, особенно выросшим после знаменитого "лингвистического поворота", а, во-вторых, нерешенностью многих первостепенных онто-гносеологических проблем языка и познания.

Например, большие интеллектуальные усилия были затрачены на то, чтобы осознать, что язык является системой знаков особого рода, центральной, по отношению к которой все другие языки будут определяться как **псевдо-языки, квази-языки** и т.д. Однако дальше начинаются разночтения. Для объединения весьма разнородных философских исследований языка периода "лингвистического поворота" использовались разные термины, в частности, "неопозитивизм", который был вытеснен позднее названием "аналитическая" философия". Аналитическая философия подразумевает анализ употребления языковых знаков и выражений в качестве источника постановки и решения философских проблем. Понятие анализа в этом смысле было введено в XX веке в работах Б.Рассела и Дж.Мура и развито в "Логико-философском трактате" Л.Витгенштейна. Таким образом, **произошел** переход от одного объекта исследования к другому: от человека и мира к языку, на котором можно говорить о человеке и мире. Фактически основной задачей философии в таком понимании стало решение семантических проблем языка.

В рамках аналитической философии выделяются два основных направления: философия логического анализа и лингвистическая философия. Философствующие логики, даже такой крупный как Ч.Пирс, отвлекаются от языка в целом и фиксируют

свое внимание и научный интерес на изолированном знаке. Для философии логического анализа характерным является использование средств формальной математической логики. В ее основе лежит утверждение Б. Рассела о том, что любая научно осмысленная проблема есть по существу формально-логическая проблема. В рамках философии логического анализа ставится также задача исправления языка в соответствии с определенными нормами "научности", задаваемыми логикой. Лингвистическая философия, напротив, концентрирует внимание на содержательном анализе обыденного языка, пытаясь устранить (или, вернее, "расширить") нормальное употребление. Философствующие лингвисты объявляют своим объектом язык как таковой, то есть систему знаков, по отношению к которой изолированный знак является лишь элементом и не анализируется как самостоятельная глубокая сущность, таящая в себе загадки смысла. Среди основных представителей философии логического анализа - Б. Рассел, "ранний" Витгенштейн, представители Венского кружка, львовско-варшавской логической школы и некоторые другие. Источниками лингвистической философии стали работы Дж. Мура и "позднего" Витгенштейна ("Философские исследования"), поддержанные оксфордской и кембриджской школами в Великобритании. По сравнению с логическим анализом в лингвистической философии изменились и цели, и методы. Основным объектом вместо языка науки стал обыденный язык.

Оба методологических подхода по-своему оправданы, однако, на наш взгляд, они **односторонни**. Переключка идей логического и лингвистического направления сформировалась вокруг гипотезы Сепира-Уорфа. Согласно этой гипотезе, логический строй мышления определяется языком, и таким образом познание действительности предопределяется языком. Фактически это — принцип конвенционализма, примененный к обычному языку и "наивному" мышлению.

Характер общезначимости придается другому лингвофилософскому направлению - **общей** семантике, продолжающей линию номинализма.

Общая семантика не предполагает никакой общей теории значения и языка, а, скорее, обращает внимание на отдельные

черты употребления языка. Принципы общей семантики заключаются в следующем:

1. Слово нетождественно вещи, которую оно называет.
2. Языковой знак не может полностью и адекватно представить соответствующий объект, или, иначе говоря, языковое выражение не дает полной картины реального явления.
3. Анализируя естественный язык, мы еще больше удаляемся от реальности. Передать реальность с помощью языка невозможно.

Другая традиционная проблема, а, именно, проблема знака и значения, в настоящее время грозит приобрести характер "вечной". Несмотря на **усилия** десятков и даже сотен ученых и прошедшие сотни лет, она так и не получила общепризнанного целостного философского объяснения. Можно также констатировать, что в процессе решения этой проблемы диалог уменьшает непримиримость и, так сказать, неслиянность мировоззрений разного толка: позитивистского и экзистенциалистского, рационального и иррационального, теории познания и теории понимания, системоцентризма и элементоцентризма, сциентизма и антисциентизма и т.п.

Третья и даже строго не поставленная проблема, или точнее, парадокс современной теории познания состоит в том, что мы не имеем даже строгой словарной дефиниции средств познания; однако как же можно эксплицировать какие-то производные понятия, например, языковые или семиотические средства познания, если не **прояснен** базовый термин? Можно, конечно, обойтись указанием на то, что средства - это просто медиатор или проводник коммуникаций, который помогает связать иначе не связанные генератор и адресат, субъект и объект и т.д. Но вспомним Аристотеля и суть его спора с Платоном, а именно аргумент "третий человек". Крупнейший философ и отец логики говорил, что для связи "первого и второго человека", то есть собственно эмпирического, телесного человека и его эйдоса, необходим посредник - "третий человек", то есть идея более общая, которая включала бы первое и второе как свое частное. Такое средство объединения никак невозможно представить в качестве коммуникатора или связующего звена. Это нечто гораздо более объемное, чем "первый и второй человек", видовые члены

понятия "третьего человека", поскольку провозглашает имманентное единство вещи и ее сущности (формы, "морфэ"). Неважно, что **Аристотель** отвергает возможность "третьего человека", а важно, что он так понимал бытие предполагаемого связующего средства коммуникации (и тем самым познания), то есть способ воссоединения материального и формального мира.

Как бы далеко ни продвинулись в своих исследованиях философствующие лингвисты, семиологи или **герменевты**, это продвижение уводит нас от первичного базового вопроса: как можно изучать условную связь формы и содержания, или объекта и его значения, как можно анализировать семантический треугольник, символизирующий знак, выстраивать синтактику, семантику и прагматику и т.д., если остается совершенно не проясненным смысл основной составляющей языка, т.е. звука? Если провести аналогию с человеческой психикой, то это равносильно тому, чтобы исследовать или изучать сферу условных рефлексов, оставляя без внимания сферу безусловных, ничего не зная о ней. Тогда наиболее изощренные познавательные модели и наиболее изящные теоретические конструкторы повисают в воздухе, лишаются опоры.

Объект исследования: звукоряд (звуковой континуум), воспринимаемый субъектом при обращении к нему осмысленной устной речи.

Предмет исследования: условия формирования смысла в сознании субъекта, воспринимающего звучащую речь, актуализирующиеся на основе перехода от имманентной семантики звука к конвенциональной сфере языка.

Цель исследования: теоретически обосновать роль семантики звука для формирования смысла и определить место фоносемантики в гносеологии.

Задачи исследования:

- установить логику фоносемантического дискурса в качестве "снятого исторического": трансформация классических идей о соотношении языка, мышления о сущем и действительности (проблема логоса) происходит за счет обогащения категорией времени семантики Dasein;

- выявить и изучить познавательные функции организованно звучащей речи на уровне наименьших осмысленных сегментов языка, а именно его фонемо-звуковой организации;
- подтвердить фундаментальность первичного формирования смысла на основе диалектических процессов в фонетическом слое языка;
- доказать существование диалектического перехода безусловной фонетической стороны смысла в условный лексико-грамматический смысл за счет преобразования качества изолированного звука в звукоряде.

Методологической и теоретической основой исследования стали логико-философские концепции о происхождении языка и об истоках его развития, что потребовало историко-философского анализа идей античных и средневековых мыслителей.

Особенностью **авторского** подхода является экспликация и анализ философской **категории** Dasein, которая представлена в рамках немецкого языка и немецкой философии и характеризует собой проявление одной из основных характеристик человеческого бытия, а именно **темпоральности**.

Методологической основой исследования явились также логико-философские концепции, изучающие язык как центральную знаковую систему, и лингвистические исследования, проводимые в рамках семантики, фонологии и звукосимволизма.

В ходе рассмотрения проблемы понимания диссертант руководствовался идеей развертывания понимания как онтологического определения человеческого бытия, что потребовало изучения как теоретико-философского, так и социально-психологического аспектов указанной проблемы, которые представлены в рамках феноменологии, герменевтики и социологии.

В связи с этим методологической основой исследования стали:

- идеи древних о назначении звука в структуре языкового знака (Платон, Аристотель, Августин, и др.);
- идеи о бытии как месте (или моменте) пребывания сущего (Кант, Гегель, **Хайдеггер** и др.).

- научные концепции о произвольности/непроизвольности, **конвенциональности/неконвенциональности** языкового знака (В.Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Ф.Ф. Фортунатов и др.);
- положения о соответствии организационной структуры знаков объектам действительности (Л.Витгенштейн, Э.Гуссерль, Э.Кассирер и др.);
- философия "жизненного мира" Дильтея, феноменология Гуссерля, концепция герменевтики Х.-Г.Гадамера, а также понимающая социология Вебера и феноменологическая социология Шюца.

Теоретическую основу исследования составили логико-философские труды Августина, Аристотеля, Платона, М. Хайдеггера, Гегеля, Э.Гуссерля, Э.Кассирера, Л.Витгенштейна, С.А.Васильева, Ю.С.Степанова, Э.А.Тайсиной, Е.Ф.Кирова, А.В.Соколова, Л.А.Микешиной и др.; труды по теории звуко-символизма и фонологии, различные аспекты которых разрабатывались в работах В.Гумбольдта, Ф.де Соссюра, Б.де Куртенэ, Э.Сепира, А.Ф.Лосева. А.А.Реформатского, С.В.Воронина, А.П.Журавлева и др.

Научная новизна работы и теоретическая значимость:

- раскрываются онто-гносеологические основы формирования фоносемантических идей;
- демонстрируются основные процессы смысловой сегментации речевого (звукового) континуума;
- обосновывается размещение познающего субъекта на границе трех **сфер**: имманентной, конвенциональной и трансцендентной; **дается** содержательно-технологическая характеристика процесса восприятия звучащей речи на основе перехода от **безусловного смыслового** содержания звуков к конвенциональной сфере языка;
- выявляются семантические характеристики звуков речи с точки зрения их взаимосвязи в звукоряде; обосновывается первичная роль семантики звука для понимания смысла.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Функционирование организованно звучащей речи представляет собой процесс перехода образного в знаковое и обратно, который совершается на уровне *восприятия речи*; вос-

приятие физического объекта как такового не имеет условной сигнификативной природы.

2. Фрагмент действительности, становящийся объектом познания, воспроизводится в восприятии звучащей речи *билатерально*: с одной стороны, номинативно (как наименьший осмысленный сегмент), а с другой - оперативно (как нечто функциональное, служащее коммуникации).
3. Первичное формирование *смысла* происходит на основе диалектических процессов, протекающих в *фонетическом слое языка*.
4. Конвенциональная семантика образует сферу, расположенную над имманентной (*аконвенциональной*) семантикой звука, и имеет *синтетическую* природу, не отменяя, но "снимая" и диалектически наследуя первичную семантику.

Апробация исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры философии Казанского государственного педагогического университета. Выводы диссертационного исследования приведены в сообщениях и докладах, с которыми автор выступала на региональных, городских и международных научно-практических конференциях и семинарах. Результаты исследования опубликованы в материалах научно-практической конференции "Языковая ситуация и психолого-педагогические проблемы развития двуязычия в Республике Татарстан" (г. Казань, 1999 г.), в материалах международной научно-практической конференции "Межкультурная коммуникация. Теория перевода. Сопоставительная лингвистика" (г. Москва, 2002 г.) и в материалах сборника "Объединенный научный журнал" (г. Москва, 2002 г. № 27, 35).

Структура и объем работы: диссертация состоит из введения, двух глав, в каждой из которых по четыре параграфа, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень разработанности проблемы. Определяется теоретико-методологическая основа исследования, формулируются предмет, цель и задачи диссертационной работы, ее новизна и научно-практическая значимость.

Первая глава *"Логика развертывания гносеологических аспектов языковой семантики"* посвящена анализу истоков развития философских идей о роли языка в познании действительности, рассмотрению особенностей категории Dasein как момента и места активности звуков речи, уточнению характеристик категории смысла.

В первом параграфе *"Развитие философских идей о познавательной роли языка в античности и средневековье"* дается анализ начального этапа **формирования** идей о взаимосвязи языка, мышления и действительности, показывается возникновение и развитие представлений о звучащей речи в античности и средние века.

Представление о неких соответствиях между бытием, языком и мышлением имеют глубокие корни в античной культуре. Одной из важнейших категорий древних авторов правомерно считать «логос», который мыслился как внутренняя мера всех вещей, природная сущность. Но наряду с природной сущностью (логосом) существовал и закон, что привело к заключению: можно поступать сообразно природе, а можно - сообразно закону. Возникает вопрос: каким же образом имя (произносимое слово) соотносится с этими категориями? Что раскрывается или, наоборот, скрывается в процессе именованя?

Обозначение того, о чем мы говорим, "делание" этого обозначения понятным собеседнику и есть истинное именованя. Для Платона слова - знаки вещей и идей. Отдельные идеи, сочетаясь друг с другом, дают диалектическую структуру особого рода - **дианойю**, или рассуждение. Словами Кратила Платон высказывает свою точку зрения: нужно знать, что представляет собой имя; создавать имя, значит, воссоздавать в буквах и слогах образ имени, подобающий каждой вещи. Слова - орудия познания вещей и явлений, но они не могут быть буквальным копированием этих вещей и явлений. Аристотель делает попытку отделить сами имена от образов вещей. По его мнению, не сами имена, а способы их соединения и разделения помогают постичь истинность. Стоики подчеркивают единство членораздельного звука и содержательного аспекта речи - лектона, рассматривая при этом последний вне слова, как не имеющий физической реальности. Подлинной является та реальность, которая осмыслена

через лектон. Для Августина внешнее и внутреннее неразрывно связаны. Внутреннее, становясь внешним, определяет себя как наличное. При этом именно внутренние **слова** являются основанием и движущей силой речевых процессов. Августин определяет внутреннее слово как то, что находится в центре сознания и в данный момент может быть высказано в произносимом слове.

Таким образом, у древних мыслителей наметились идеи, представляющие для нас особый интерес: речь представляет собой соединение (а точнее, сплетение) идей (которые являются и звуками тоже); отдельные звуки подражают свойствам или качествам вещи, сущность же вещи является в речи (сочетании звуков). Уже в древней философии было осознано, что понимание бытия напрямую связано с постижением языка, его роли как медиума между сознанием человека и бытием.

Во втором параграфе *"Сущностные характеристики категории Dasein как "места" раскрытия бытия звука"* эксплицируется содержание фундаментального понятия, являющегося основой всякого философского исследования, а именно, понятия «бытие». Делается попытка, опираясь на идеи Канта, Гегеля и Хайдеггера, связать такие категории как Sein - всеобщее бытие и Dasein - бытие "здесь и сейчас" с фактом **звучания**, а именно, определить момент пребывания звука в свете всеобщего бытия Sein. На наш взгляд, именно термин Dasein, взятый из немецкого языка, более точно определяет момент присутствия, нежели все его русские переводы.

Интерпретируя философию «Жизненного мира» **Дильтея**, **Хайдеггер** характеризует открытие присутствия нашего существования как схватывание духом сути нашего бытия. Человек обладает способностью распознавать существующий предмет путем **усматривания** его прошлого и предвосхищения его будущего в единстве настоящего существования. Гегель говорит об этом единстве как о становлении, а именно самоотличении бытия от ничто, превращении его в нечто. Быть названным, озвученным, значит, стать чем-то определенным. Именно звучание превращает для нас ничто в нечто. Звучать - значит "говориться", произноситься последовательно (в существовании, в наличном бытии) в качестве звука, морфемы, слова, предложения. И только эта последовательность (не звук, не сочетание морфем,

не слово, не набор акустических признаков и не просто представленная последовательность) и есть бытие сущего в качестве звучания.

Ничто, превращаясь в нечто, определяет себя, становится наличным бытием, *Dasein*, бытием в известном месте. Бытие есть тут, поскольку оно, благодаря звучанию, определилось как нечто. Каждый произнесенный звук в слове, слово во фразе - это фиксированные моменты времени. Существует и это, и то, и **другое**, пока оно не слышимо, но стоит сущему зазвучать, как оно становится для нас другим. Быть значит становиться, переходить в другое. Бытие в этом смысле есть нечто в единстве своих моментов. Это есть действительность - единство Бытия и наличного бытия, или *Da-Sein*.

Категория *Dasein* характеризует явления с точки зрения присутствия в качестве целостности человечески значимого сущего. Это присутствие означает актуальное существование, которое во всеобщем бытии содержится лишь в качестве возможности. Звук как наличное бытие и только в качестве такового обладает именно теми характеристиками, которые позволяют называть (озвучивать) сущность во всех ее проявлениях. Звуки речи в **сво**ем актуальном бытии выступают в роли определенной всеобщности; они не просто открывают моменты объединения (связи) системы, но являются центром перехода этих моментов (явлений) друг в друга.

В третьем параграфе *"Многообразие характеристик смысла в исследованиях семантики языка"* на основе анализа точек зрения различных авторов уточняется понятие "смысл". Отнесенность данного понятия к ментальной, а не языковой сфере приводила к неоднократным попыткам исключить смысл из сферы лингвистического анализа. Об этом свидетельствуют представленные дефиниции данного понятия, взятые из различных источников. Определению смысла как экстралингвистического понятия способствовало и то, что он характеризуется нечеткостью, вариативностью, изменчивостью, субъективностью, вследствие чего он плохо поддается непосредственному наблюдению. Исследование проблемы смысла **продвигалось** по двум основным направлениям. Аналитическая философия (Б.Рассел, Л.Витгенштейн) ставила задачу логического анализа языка, ко-

торый заключался в четком различении обозначаемых предметов, их имени и смысла, как способа обозначения этих предметов. Философия в ее феноменологическом варианте (Гуссерль) во главу угла ставила личность, осмысливающую мир, делающую свой смысловой выбор. Смысл при этом определялся как актуальная ценность, значимость предмета для субъекта. Этого же мнения придерживались и наши отечественные ученые (С.А.Васильев, Н.А.Слюсарева, Р.И.Павиленис и др.).

В языкознании смысл преимущественно рассматривался как смысл слова в его противопоставлении значению.

При определении взаимоотношений между значением и смыслом многие авторы приходили к выводу о том, что значение есть процесс или динамическая иерархия процессов (А.А.Леонтьев, А.Р.Лурия, А.А.Залевская и др.). Но в таком случае мы имеем дело с речевым смыслом. Значение же можно рассматривать как относительно устойчивую данность. На наш взгляд, нецелесообразно противопоставлять значение, как характеризующее сугубо номинативные единицы, смыслу, который характеризует коммуникативные единицы. В своей работе мы делаем акцент на то, что ни категория смысла, ни категория значения не существуют автономно и отдельно.

Для правильного истолкования смысла принципиально важно то, как он понимается в рамках двух подходов: логико-философского и лингвистического. Первый отождествляет смысл с информацией, которая соотносится с концептуальными системами, структурами знаний. Для этого подхода характерно соотнесение смысла со сферой мышления, сознания человека, тогда как лингвистический подход базируется на представлении о том, что смысл непосредственно содержится в высказывании, в тексте, а потому вычисляется, выводится из него посредством определенных операций. Диссертант считает, что такое разделение является догматическим, так как абстрагирует и абсолютизирует разные грани единого (смысла).

Исходя из всего этого, можно сделать вывод: возможной причиной многообразия характеристик смысла, большого их разброса, соответствующей несогласованности их между собой, а иногда и противоречивости является то, что в разных случаях рассматриваются разные грани смысла, различные его проявле-

ния в разных ситуациях. Если в одних случаях имеется в виду субстанциональная сущность смысла, то в других - способы его программирования в тексте, в третьих - закономерности декодирования и др. Это означает, что необходимо предпринять усилия, чтобы четко осознать эти разные «лики» смысла, развести их между собой с тем, чтобы подобрать адекватные методы исследования для каждого из них.

В четвертом параграфе *"Звук как "активное бытие" смысла"* излагается трактовка момента и места активности, а вместе с тем и ценности звука. Это тот момент времени, который субъекту удастся "ухватить", оживляя тем самым действительность и глубже проникая в нее, осознавая как нечто присутствующее теперь. Диссертант подчеркивает, что в этом моменте внешнее и внутреннее предстают в единстве, которое и становится источником возникновения смысла.

Звучание включает в себя множество актов, что и позволяет действительности длиться, не застывать. Звуки делят мир на текучий, который не имеет значения, и постоянный, значимый. Акустические свойства звуков принадлежат к миру изменчивому. Только этот мир способен выражать, поскольку, даже не имея конвенционального значения, звук может обладать выразительностью. Однако простое бытие звуков во времени еще не предполагает наличие значений. Звуки не являются просто наличествующими, они *"со-бытийствуют"*, что способствует тому, что каждый звук как бы вбирает в себя частичку другого звука, образуя переплетение. В данной работе рассматриваются два подхода к пониманию природы звука: первый из них можно образно охарактеризовать как «признаковый» (автор данного подхода А.П.Журавлев), т.е. значение звуков определяется на основе выявления их признаков, что представляется нам неверным, поскольку определение значения целого исходя из суммы признаков его частей является ошибочным, а второй - подход с позиции пространственных и временных характеристик языковых явлений, в частности, звуковых (автор данного подхода С.В.Воронин). Второй подход, по нашему мнению, наиболее верен, поскольку предполагает наличие связи между объектом действительности, моментом его фиксирования в речи и формой фиксации (звуковой формой слова), что позволяет говорить о

динамике ситуации, которую, собственно говоря, и предполагает коммуникация. Признаки же звуков могут использоваться для разграничения альтернатив озвучивания действительности, что наводит на мысль о "**многомирности**" восприятия и выражения действительности, а, следовательно, различных вариантах порождения смысла.

Мы всегда используем только часть звука в данном слове, только часть слова в данном высказывании, так как звук в данное время в определенном контексте будет отличен от аналогичного звука в другое время, в другом контексте. Следовательно, в речи мы используем лишь явления той или иной части звука, продиктованные структурой, а первородность звука остается "за кадром", но не исчезает бесследно. Осмысление действительности происходит именно на границе активации акустических имманентных образов при переходе их в знаковые.

Таким образом, о смысле речи можно говорить уже на уровне фонетических характеристик языка. Поэтому мы поставили вопрос: в какой степени рождение смысла обусловлено фонетической стороной языка?

Во второй главе *«Роль звуковой семантики в процессе понимания конструируемой смыслом языковой реальности»* проводится анализ языковых средств с позиции фонетических особенностей звуков, на основании чего выделяются основные сложности при **определении** наименьшей фоносемантической единицы; обосновывается первичная роль акустических характеристики звуков (вне рамок языка) по отношению к конвенциональной сфере языка, а также существование перехода безусловной семантики звука в конвенциональную за счет преобразования качества изолированного звука в звукоряде в результате диалектических процессов, протекающих в фонетическом слое языка.

В первом параграфе *"Основные подходы к определению фонетических характеристик языка"* делается попытка обобщить результаты исследований отечественных и зарубежных ученых и на основе анализа представить основные контуры логики развития подходов к языку с позиции его фонетических характеристик. На ранних этапах развития семиологии основное внимание уделялось связи звука с психикой человека, что привело к по-

пыткам интуитивно соотнести отдельные звуки речи с образами, чувствами и эмоциями человека. Это привело к чрезмерному субъективизму, а результаты исследований были лишены всякой научной убедительности. Со II-ой половины XIX века лексическая семантика ставит своей задачей исследование смысловой этимологии, что и характеризует ее на данном этапе преимущественно как историческую науку. XX век характеризуется появлением новых направлений; в частности, успехи, достигнутые при системном изучении фонологии, привели к появлению фоносемантики. На основе принципа произвольности языкового знака возникает иллюзия автономности плана выражения по отношению к плану содержания, то есть звучание и значение оказываются оторванными друг от друга. Значительную роль для опровержения этой иллюзии сыграло выделение разграничительной функции фонем, но все же оно не способствовало окончательному подтверждению связи между планом содержания и планом выражения.

По мнению диссертанта, объектом изучения должно стать звуковое единство, содержание которого пытался раскрыть еще В.Гумбольдт. Он определял звуковой знак как "перекресток" (точку соприкосновения) субъективного, поскольку звук нами самими порождается, и окружающей нас действительности. При этом звуки языка следует рассматривать не как отдельные элементы, а как ряд (связь) этих элементов в момент их произнесения и в то же время переживания нами. Чтобы слышать "связь" вещей, нужно воспринимать не отдельные звуки, а их динамику, активность. Звук следует рассматривать на фоне разнообразных влияний, которым он подвержен в зависимости от того, взят ли этот звук сам по себе или является частью слова. Единство языка как системы, связывающей значение со звуком, обеспечивается, прежде всего, иерархическими отношениями между единицами разных уровней и тесной связью между планом содержания и планом выражения. При этом ведущая роль отводится первому. Элементы низшего уровня служат материалом для построения элементов высшего уровня, что исключает возможность автономности любой частной системы **языка**, включая фонологическую. Необходимо учитывать то, какой тип языкового значения выражается с помощью фонем, поэтому для установления функ-

циональной нагрузки фонем важно и то, какой тип морфемы она конституирует, и то, в состав какого типа слов входит данная морфема, и то, какую функцию выполняют эти слова в высказывании.

В каждом отдельном звуке существует множество характеристик, которые накладывают свой отпечаток на характеристики этого же звука в структуре высказывания, то есть **коннотативные** свойства звуков обусловлены их акустическими характеристиками. Поэтому в данном параграфе рассматриваются признаки звуковой формы слова, характеризующие его с внешней стороны как некую целостность, синтаксически неделимую часть фразы и с внутренней стороны как определенный тип связи морфем.

Каждое высказывание представляет некоторую звуковую последовательность, из которой возникает последовательность слов, фраз, предложений. Звуковое оформление текста не случайно, оно находится в определенном соответствии с его содержательной стороной. Следовательно, для каждого типа текста характерен свой акустический рисунок. Различая фоносемантические особенности высказывания, следует говорить о фонетической организации звуков и их непосредственной связи друг с другом.

Во втором параграфе *"Фонема как наименьший осмысленный сегмент языка"* дан анализ некоторых подходов к определению фоносемантической единицы; диссертантом выделяются основные трудности, возникающие в **фоносемантике** при решении вопроса, что является основной фоносемантической единицей: звук, фонема, звукобуква или буква. В конце XIX века складывается представление о звукобукве как носителе фонетического значения (П.П.Соколов, А.П.Журавлев). Наряду с этим подходом активно распространялись идеи о связи акустической стороны звука со значением (Р.Якобсон, Г.Кроноссер). Ряд ученых называет единицей фоносемантики фонему (В.В.Левицкий, С.В.Воронин, А.Б.Михалев, А.Ф.Лосев), рассматривая ее свойства как свойства абстрактной изолированной единицы. Кроме того, в данном параграфе представлено понимание соотношения фонемы и звука у разных авторов. В качестве основного рассматривается мнение о фонеме как объединении или семье звуков (Д.Джоунз, Л.В.Щерба, современные представители Санкт-

Петербургской школы). Базовой работой для дальнейшего анализа наименьшей языковой единицы явилась работа "Речь. Артикуляция и восприятие" (1965 г.), в которой предложена следующая теория: человек принимает решение о предыдущем звуке только после анализа последующего звука. На наш взгляд, это хорошая демонстрация диалектики темпоральной связи (влияние будущего на прошлое), которое в теоретическом и методологическом отношении восходит к Гуссерлю. Мы считаем, что звук рядом со звуком находится не в последовательности причинной связи «если - то», а **трансверсально** - «и то - и это», благодаря чему взятый отдельно звук, резонируя с другим, способен сформировать многочисленные образы.

Таким образом, в ходе рассмотрения различных подходов к определению центральной единицы звукового строя языка мы пришли к выводу, что большинство авторов таковой считает фонему. Но коммуникативный ряд состоит не из одних только фонем, что наводит на мысль о неточности определения фонемы в качестве базовой единицы. Решение этой проблемы не находится только в компетенции лингвистики, так как речь идет о смысле, в данном случае, о смысле звука, а это уже проблема теории познания. Необходимо решить, как именно в познании смысл зависит от звука.

В третьем параграфе *"Проблема круга понимания в языке на основе его звукового слоя"* рассматриваются фонетические характеристики знаков языка с точки зрения их роли и значения в фонетическом континууме, единицы которого объединены связью. Для этого диссертант использует термин **"рече-звук"**, который следует понимать как звук, взятый не сам по себе, а в качестве сегмента высказывания. Диссертантом рассматриваются основные существующие отношения между рече-звуками и изучается характер их связи. Делается вывод, что субъект в речи воспринимает только те "части" звуков, которые возникают при взаимодействии данного звука с другим. Остальная "часть" остается как бы невидимой, но не исчезает, а всего лишь уходит в пассив.

Изучение закономерностей строения разных языков привело к необходимости более четко определить диалектику общего и единичного в плане содержания отдельно взятого языка, для че-

го были рассмотрены такие концепции лингвистической семантики, как теория языковой **относительности**, абсолютизирующая единичное и особенное в системе значений отдельного языка, и семантический универсализм, акцентирующий в системах значений языков общее.

Подводя итог, диссертант излагает следующий вывод: язык проникнут диалектикой единичного и общего; факторы объективной действительности неизбежно находят отражение в человеческом мышлении и в языке, задача заключается во вскрытии "игры" этих факторов, которая и является основой специфического отображения всеобщего и единичного в речи.

В четвертом параграфе *"Диалектика условного и безусловного как основа звучащей речи"* дается модельный анализ динамики восприятия человеком мира. Модельное представление ситуации действительности базируется на контрфактической связи, которая оставляет возможность существования ненаблюдаемых событий. Речь ведется о пространственном представлении альтернативных ситуаций в рамках определенного временного среза. Полное описание ситуации предполагает, что за моделью того, что реально имеет место (в данный момент времени), должна стоять другая модель - "как если бы мир был иным". Исходя из двух способов организации мира, диссертант делает вывод, что предметом временных и пространственных моделей является контрфактическое положение **дел**. Таким образом, предполагается, что наряду с ситуацией одного сочетания звуков, при других обстоятельствах вероятно появление другого сочетания звуков. Реально существующая модель названа диссертантом «мир целого знания», а предполагаемая - «мир частичного знания». Этот второй мир - ментальное состояние по отношению к явлениям.

Звуки, изображающие "конкретное положение дел", закреплены за ситуацией в настоящий момент времени. Сфера действия произносимых звуков ограничена пространством одной конкретной ситуации. Эти же самые звуки при "озвучивании" другой ситуации меняют смысл, несмотря на тождество звучания. Если в речи (при непосредственном произнесении) мы находимся в позиции реального мира и **одномирных** моделей и при этом допускаем контрфактичность, то пространство удваивается, но

внимание направлено на события, которым случилось стать "действительными". При использовании звуков в речи мы всегда исходим из позиции неединственности направления, при этом каждый звуковой континуум предполагает построение модели разной степени полноты и **детализованности**.

В данном параграфе представлен генезис развертывания речи, а, точнее, механизм актуализации явления (термин «явление» используется в качестве осознания необходимости одной из возможностей). При этом сам механизм объясняется как возможность доступа к имманентной сфере. При восприятии звучащей речи мы не воспринимаем осознанно процесс звучания, мы лишь формируем его как набор допущений относительно нашего сознания. Единственный критерий, который позволяет соотнести имманентное с условным, - это "успешность" или "подтверждение" наших допущений, то есть их явление, что, собственно, и составляет процесс актуализации.

Звуки речи имеют как бы две семантические сферы своего существования: **аконвенциональную** и конвенциональную. Звук сам по себе позволяет говорить лишь о невербальной имманентной семантике звука. Вторая сфера - конвенциональная - связывает звук с семантикой языковой знаковой системы. При этом конвенциональная семантика базируется на аконвенциональной (имманентной) и имеет сложную синтетическую природу. Нижний (вернее будет сказать, базовый) уровень знания подготавливает почву для переинтерпретации фактов на более высоком уровне, а переинтерпретация дает новый импульс их объяснению.

На основании рассмотренных положений делаются следующие выводы: основой конвенциональной сферы становятся явления, служащие базой аконвенциональной сферы: синтетические ассоциации, физические свойства звуков и т.д.; но, тем не менее, семантика звуков речи не сводима к аконвенциональной семантике, в противном случае верным было бы допущение, что можно "создать" "естественный" язык, основанный на механическом воспроизведении окружающей звуковой реальности; уже на фонетическом уровне языка в диалектике конвенционального и **аконвенционального** содержатся предпосылки появления смысла; его реальное появление зависит от актуализации воз-

можных альтернатив, которые предоставлены нам в звуке. Таким образом, звуковая сторона языка обуславливает понимание смысла, а фонетический слой как составная часть входит в так называемый "круг понимания", в котором и рождается смысл.

В заключении подводятся итоги исследования, рассматриваются перспективы дальнейшего изучения проблем семантики звука речи.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

1. Акустическая форма слова как детерминанта смысла // Материалы научно-практической конференции "Языковая ситуация и психолого-педагогические проблемы развития двуязычия в Республике Татарстан". - Казань, 1999 г. - с. 96-98 (в соавт.).
2. Со-бытие звуков как фрагмент действительности // Материалы международной научно-практической конференции "Межкультурная коммуникация. Теория перевода. Сопоставительная лингвистика". - М., 2002 г. - 0,13 п.л. (в печати).
3. Взаимосуществование альтернатив конструируемой языком реальности // Объединенный научный журнал. - М., 2002. - № 27. - с. 39-40.
4. Невербальная имманентная семантика звука как основа конвенциональной сферы языка // Объединенный научный журнал. - М., 2002. - № 27. - с. 40-41.
5. Сущностные характеристики категории Dasein как "места" раскрытия бытия звука // Объединенный научный журнал. - М., 2002. - № 35. - с. 39-42.

Подписано в печать 30.01.03

Тир. 100

Объем 1,5 п.л.

Зак. 45-03